

Корабль, на котором летел председатель Планк Вейль, наконец совершил посадку на Титане. Сам Планк вышел из шлюза измученным и запыленным — сказывался долгий перелет. Время близилось к рассвету, так что репортеров в космопорту оказалось немного, но даже эта скромная толпа заставила Планка вспомнить былые времена. Вежливо кивнув прессе и махнув рукой, он забрал у помощника увесистый кейс и поспешил скрыться в салоне персонального флаера.

— Хотите немного вздремнуть? — спросил ассистент.

— Нет, — отозвался Планк. Суматоха в порту, казалось, ничуть его не растревожила. — Как приедем, забронируй для меня конференц-зал. Скоро понадобится.

В этот момент ожил терминал закрытой связи.

Помощник принял вызов:

— Звонит вице-председатель Шуберт. Соединить вас напрямую?

— Передай ей, пусть ждет меня в конференц-зале, — Планк откупорил тубик с питательной смесью и сделал глоток. — А вот список специальной следственной группы. Разошли уведомления: завтра в восемь утра все должны быть на совещании как штык.

— Вы уверены, что не хотите отдохнуть?

— Прямой ущерб от этой атаки уже перевалил за триллион, — с усмешкой ответил Планк. — Если я сейчас засну, меня, чего доброго, под трибунал отдадут.

Пока случившееся стыдливо именовали «Инцидентом с Большой черной дырой», но если события продолжают разворачиваться в том же духе, их очень скоро переименуют в «Инцидент с Эрвином». Когда флаер Планка подкатил к зданию Ассоциации академий, у центрального входа дежурила еще одна группка настырных репортеров. Кое-как разминувшись с ними, он вошел в холл, но тут же столкнулся лицом к лицу с Анни Шуберт. Вице-председатель проигнорировала его распоряжение и уже давно поджидала шефа в вестибюле.

— Жди меня в конференц-зале, Анни. Мне нужно переодеться.

Однако она даже не подумала уйти и последовала за ним прямо в его личные апартаменты.

— Дорогая моя, я искренне надеюсь, что ты когда-нибудь научишься сохранять самообладание в критических ситуациях. В конце концов, ты дама, а я собираюсь принять душ, — Планк устало стягивал строгий официальный костюм, мечтая поскорее смыть дорожную пыль и перелезть в привычный просторный халат, в котором обычно работал в лаборатории.

Анни и не подумала выйти. Она лишь демонстративно отвернулась к стене:

— Сразу после твоего отлета на меня совершили покушение. Меня едва не взорвали к чертям собачьим! Теперь я ежедневно разгребаю горы писем с угрозами, прокурорские сутками не вылезают из моего кабинета, устраивая бесконечные проверки, а полиция заблокировала мой дом под предлогом обеспечения безопасности. Скажи на милость, в такой обстановке у меня вообще должно оставаться время на поиски Эрвина?

Планк сбросил одежду и включил воду:

— Анни, ты занимаешь этот пост уже десять лет. Пора бы привыкнуть к подобным издержкам профессии.

— Я не справляюсь! — донеслось из-за двери ванной. — У меня нет веса, чтобы потребовать от президента или кого-то еще убрать эту свору с моих глаз! А пока они здесь, я просто парализована и не могу работать.

— Я тоже не могу их убрать, — Планк выключил воду, насухо вытер лицо полотенцем и вышел из душевой.

Анни резко развернулась к нему. Ее лицо пылало от гнева:

— Что?! Мы оба прекрасно знаем, что Эрвин — не обычный человек. Неужели ты думаешь, что я способна разгадывать его шарады, когда мне буквально не дают вздохнуть?!

— Подумаешь, пара лишних ищеек под боком. Не делай из мухи слона, это вообще не главное.

— В этом-то и вся суть! — Анни в сердцах схватила приготовленный для него халат и швырнула ему в грудь.

— Неужели ты до сих пор не поняла, как обстоят дела? — Планк поймал одежду и принялся неторопливо одеваться. — Если бы целью правительства было исключительно поймать Эрвина, они бы не стали устраивать вокруг тебя этот цирк. Я возглавляю Ассоциацию столько лет, но меня никогда так не донимали. В космопорту я почувствовал себя какой-нибудь поп-звездой — репортеры из желтой прессы и те ведут себя скромнее. Или ты всерьез думаешь, будто обыватели понимают, из-за чего поднялся этот вой? Поверь, большинство из них понятия не имеют, по какому принципу открывается автоматическая дверь у них в подъезде.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что твоя аудиенция у президента закончилась полным провалом, — Планк завязал пояс халата и критически осмотрел себя в зеркале. На подбородке пробивалась жесткая щетина.

— Он не сказал ничего предосудительного, — растерянно возразила Анни. — Лишь пообещал, что внимательно изучит мой аналитический отчет.

Планк со вздохом покачал головой:

— Твой отчет лишил нас последнего козыря.

— Что?!

— Эрвин способен уничтожить этот мир, стереть его в порошок! — Планк повысил голос. — Все, что от тебя требовалось, — заставить президента поверить в эту угрозу! Это был наш единственный, наш последний рычаг давления! Только поверив, что Ассоциация в одиночку не справится с катастрофой, он бы бросил все силы на помощь нам. Но твои сухие выкладки его ни капли не убедили.

Анни промолчала.

— Он не воспринимает Эрвина всерьез. Разве ты сама этого не видишь? Если бы на кону стоял конец света, разве стал бы президент вставлять палки в колеса тем, кто пытается этот конец предотвратить?

Она устало прижала пальцы к вискам, в которых пульсировала тупая боль:

— Почему ты не предупредил меня заранее?

— Анни, — Планк мягко потрепал ее по плечу, — я хочу, чтобы ты наконец научилась думать самостоятельно. Эрвин на первый взгляд кажется холодным, отстраненным сухарем, но человеческую психологию он понимает куда глубже, чем ты. Как думаешь, почему его первой мишенью стало именно военное ведомство?

В голове у Анни промелькнуло несколько версий, но интуиция подсказывала, что ни одна из них не окажется верной.

Планк мрачно усмехнулся:

— Армия — единственный институт, способный сдерживать толпу, последний бастион общественного порядка. Теперь понимаешь? Главное оружие Эрвина — это не только созданная им система «Оуэн». Его оружие — миллионы обывателей, которых он методично подталкивает к пропасти.

От этих слов у Анни по спине пробежал ледяной озноб.

— Анни, дай мне немного времени. Я доведу дело до конца и поймаю Эрвина. А пока просто делай то, что я говорю, договорились? — суровое выражение лица Планка вновь сменилось мягкой улыбкой. — Ступай в конференц-зал. На самом деле я парень застенчивый, честное слово.

Когда Планк, приведя себя в порядок, вышел из гардеробной, Анни уже ушла. Ассистент протянул ему чашку свежесваренного чая:

— Ваши ученики фонтанируют энергией, господин председатель. Это хороший знак.

— Ну еще бы, — обреченно вздохнул Планк. — Яблоко от яблони.

В свое время Эрвин Герман точно так же вваливался к нему в душевую без стука. За всю свою долгую жизнь Планк не встречал более эксцентричного Омеги. Порой ему казалось, что парень просто переборщил с блокаторами и повредил себе рассудок.

— Ваша сегодняшняя доза успокоительного, господин председатель, — ассистент аккуратно опустил на поднос блистер с таблетками. — Я пойду прилягу. Если что-то понадобится, сразу зовите.

Планк задумчиво вертел в пальцах лекарство.

«Да уж, "яблоко от яблони"... Похоже, мы все тут одним миром мазаны»

Принцип действия успокоительного для Альф в корне отличался от блокаторов Омег. Последние должны были полностью подавлять репродуктивную систему, а потому, несмотря на десятилетия медицинского прогресса, по-прежнему выпускались в виде инъекций с жестким регламентом дозировки и времени введения. С успокоительным все обстояло гораздо проще: оно лишь маскировало феромоны Альфы. Большинство принимали таблетку или пользовались спреем от случая к случаю, когда того требовал этикет. Для среднестатистического Альфы это было сродни жевательной резинке или освежителю дыхания.

Пока Герс Шлиффен служил в тюрьме Освальда, подобные препараты ему были без надобности. И если бы он не сделал жирную пометку в своем блокноте, то ни за что бы о них не вспомнил.

Сегодня он, разумеется, забыл. И когда стащил с себя плотный термозащитный комбинезон, комната мгновенно наполнилась его собственным запахом.

— Что случилось? — спросил Эрвин, заметив, что тот замер с зажатым в руках шлемом.

— Похоже, действие успокоительного закончилось, — неловко пробормотал Герс и поспешно натянул шлем обратно. — Давай я лучше переоденусь дома. Прости.

Эрвин негромко рассмеялся:

— У тебя сейчас такой вид, будто ты побитый пес.

Шлиффен ничего не ответил. Он бережно помог Эрвину снять защитный костюм, аккуратно сложил его, а затем тщательно осмотрел Омегу на предмет царапин и ушибов:

— Воды хочешь? Нам пора выдвигаться.

— Переодевайся здесь, как ты в этом скафандре за руль сядешь? — Эрвин скользнул взглядом по массивной туше разведывательной машины. — Я не особо жалую феромоны Альф, но твои, думаю, смогу перетерпеть.

«В конце концов, ты меня уже мыл в душе» — подумал Эрвин.

Герс недоверчиво сощурился.

— Снимай уже...

— Чудеса, да и только, — проворчал Герс, расстегивая молнию комбинезона. — Рядом с тобой я скоро вообще начну комплексовать из-за собственного запаха.

Эрвину и раньше доводилось сталкиваться с феромонами Альф. По крайней мере, во время его службы в военном ведомстве тамошние офицеры никогда не утруждали себя маскировкой. Поскольку Эрвин не пах как Омега, вояки видели в нем лишь щуплого, невзрачного мальчишку, но для самого Эрвина их тяжелые, агрессивные запахи, пропитанные доминантностью, были настоящей пыткой.

Интересно, каков запах у Герса?

Вдруг Эрвина ощутимо передернуло, и он непроизвольно поперхнулся, с трудом сдерживая рвотный позыв.

Герс в панике дернул молнию вверх — хотя это едва ли могло исправить ситуацию:

— Настолько плохо? Пахнет как из помойки?

— Нет-нет-нет, — Эрвин судорожно сглотнул скопившуюся слюну. — Просто с непривычки. Это не вонь, честное слово, не переживай так... Кха!

В геологоразведочной машине не было окон, но просторный салон быстро рассеял

концентрацию феромонов. Сделав несколько глубоких вдохов, Эрвин наконец пришел в себя.

— Мне доводилось нюхать синтетические феромоны Омег, — подал голос Герс. — Для нас вы пахнете приятно, чем-то сладким, вроде полевых цветов. И представить не мог, что наш запах кажется вам такой гадостью... Теперь понятно, почему ты терпеть не можешь Альф.

Видя, как несчастный «пес» сникает на глазах, Эрвин поспешил исправить положение:

— Моя неприязнь к Альфам никак не связана с тобой лично. На самом деле все не так уж плохо... Твой запах... — Чтобы придать своим словам весу, он демонстративно принюхался. — Он отдает чем-то мускусным, диким.словно рядом со мной лев терзает добычу. Из-за этого я инстинктивно напрягаюсь, но это точно не вонь, уверяю тебя.

Поскольку блокаторы в его организме все еще действовали, Эрвин сейчас воспринимал запахи примерно как Бета. Бета-вселенная глуха к тонким нюансам феромонов Альф, но Эрвин упорно отказывался признавать, что его бурная реакция могла быть вызвана совсем иной причиной.

— Вот видишь, я уже привык, — он выдавил из себя слабую улыбку. — Просто у меня было мало опыта. Дело не в тебе, правда.

Оправдание звучало донельзя натянуто. Герс завел двигатель вездехода, так и не избавившись от удрученного выражения лица.

— Серьезно! — Эрвин отчаянно пытался спасти ситуацию. — Твой запах напоминает... напоминает... клешнекрылого сокола! Точно!

— И что это за зверь такой?

— Ну... — Эрвин слегка замялся. — В народе их зовут вонючими пушистикami.

Шлиффен окончательно пал духом:

— Но ведь вонючие пуштики ранят обоняние жуткой кислой вонью!

— Вовсе нет! Они начинают пахнуть кислым только при контакте с металлом, а в обычное время от них исходит очень приятный аромат. Честное слово! — Эрвин божился с таким авторитетным видом, будто лично проводил полевые исследования этих насекомых.

Герс решил не продолжать этот бессмысленный спор и лишь тяжело вздохнул:

— С дипломатией у тебя туго. Сдается мне, даже при нынешнем катастрофическом дефиците

Омег тебе будет чертовски трудно найти себе пару.

Эрвину нечего было возразить на это замечание.

Его никогда не привлекали Альфы, но сейчас ему искренне хотелось хоть как-то поднять настроение этому хмурому надзирателю. В конце концов...

— Послушай, — позвал Эрвин после недолгих колебаний.

— М-м?

— Когда вернемся, я покажу тебе кое-что действительно интересное, — тепло улыбнулся он.

Один поэт — из тех, настоящих, старой школы — как-то написал: «Ни один человек не в силах устоять перед улыбкой Омеги». Утверждение, возможно, излишне пафосное, но доля правды в нем определенно крылась. И пускай современное общество изо всех сил пыталось стереть биологические различия между полами, мало кто мог отрицать: Омеги обладали совершенно уникальной харизмой. Даже если они изъяснялись нескладно или вели себя вызывающе, их искренняя улыбка мгновенно растапливала любой лед. И дело тут было вовсе не в феромонах.

Фамагуста

В Районе старого военного ведомства в Фамагусте инспекторы из Прокурорского комитета сейчас тоже созерцали лицо. Вот только на нем не было и тени живых эмоций — оно казалось восковым, застывшим и лишенным всякого изящества.

После сокрушительного инцидента с Большой черной дырой правительство поручило ликвидацию последствий непосредственно Прокурорскому комитету. Чиновникам пришлось покинуть уютные столичные кабинеты и отправиться в эту глушь, чтобы лично курировать демонтаж военного прототипа. Военизированная охрана Комитета выставила оцепление по всему периметру центрального сектора, преграждая путь диким тварям, пока инженерная группа ютилась в подземных лабораториях, разбирая терминалы управления. Изнеженные комфортом столичной жизни, специалисты стонали под тяжестью навалившейся работы и мечтали лишь о том, как бы побыстрее со всем покончить и вернуться домой.

— И зачем яйцеголовые из Ассоциации так усложнили архитектуру этой старой консервной банки? Глаза сломаешь, пока разберешься, — ворчал Клаус, ведущий инженер ведомства, лениво перелистывая бесконечные схемы. Ему редко доводилось работать со столь монументальными проектами. — Сдается мне, мы тут и за два месяца не управимся.

Лостер, его молодая ассистентка — Бета, совсем недавно окончившая Высший технический

лицей, попыталась приободрить наставника:

— Сами разработчики закладывали на утилизацию больше тридцати дней. Так что если мы уложимся в два месяца, это будет грандиозный успех.

Габариты внешней инфраструктуры военного прототипа поражали воображение. За неделю непрерывного труда инженеры даже близко не подошлись к главному вычислительному ядру.

— Давай переведем дух. Если дело не пойдет, затребуем ротацию. Условия здесь просто скотские. Ума не приложу, о чем думали генералы, когда строили этот подземный бункер.

Лостер еще не успела растерять юношеский запал и с любопытством рассматривала колоссальную машину. Пользуясь перерывом, она подошла к бронированному стеклу главного пульта управления. Внутри резервуара, погруженная в питательный раствор, покоилась Модель Ноль. Аппараты жизнеобеспечения все еще поддерживали в прототипе искру угасающей жизни — формально машина не была мертва.

Клаус подошел и встал рядом, глядя на маску андроида:

— А ведь если присмотреться, у этой штуки весьма миловидное лицо. Говорят, генетический материал для внешности позаимствовали у какого-то Омеги. Должно быть, тот парень был редким красавцем.

— Какая мерзость! Все вы, Альфы — неисправимые животные! — в шутку возмутилась Лостер.
— Нашли кем восхищаться, бледным трупом в банке!

Клаус залился добродушным смехом, но внезапно его веселье оборвалось. Девушка заметила, как лицо наставника стремительно бледнеет, а взгляд стекленеет.

— Что такое?

— У него... у него только что дрогнули веки!

— Да бросьте вы! — Лостер резко обернулась к резервуару. Лицо прототипа оставалось неподвижным, однако датчики на аппарате жизнеобеспечения внезапно взбесились, фиксируя резкий скачок активности. — Что происходит, мастер Клаус? Что это значит?

Тяжелые затворы гермокамеры внезапно сработали сами по себе, намертво запечатывая ядро прототипа. Расположенные внутри автоматические манипуляторы задвигались с пугающей точностью, приступая к экстренной хирургической обработке и накладывая швы на рассеченный череп Модели Ноль.словно глубоко в недрах системы кто-то невидимый повернул рубильник.

От этого зрелища у Лостер по коже побежали мурашки. Дрожащими руками она схватила лазерный резак, намереваясь вскрыть бронированную перегородку.

— Не трогай резак! Свяжись со штабом, живо! — крикнул Клаус, лихорадочно пытаясь поймать сигнал на аварийном передатчике.

— Нет... Посмотрите...

— Что еще там?! — раздраженно рявкнул инженер. Обернувшись, он увидел, что его ассистентка в ужасе зажала рот руками, пятась к выходу.

— Боже мой...

Внутри резервуара военный прототип медленно распахнул глаза. И бездонные черные зрачки Модели Ноль уставились прямо на них.

<http://bllate.org/book/18311/1756281>